

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ВЫБОР РОССИИ И ЕС¹

В статье рассматриваются задачи международной региональной интеграции России в интересах преобразования и развития ее экономики; приводятся теоретические положения историков науки и современных исследователей, анализирующих мировой опыт движения к открытости экономики, международному сотрудничеству в торговле и финансовой сфере, участию в глобализации; подчеркивается потребность для современной экономики России сохранения некоторых мер протекционизма при продвижении к интеграции в рамках ВТО и ЕС; обосновывается предпочтительность для России в условиях восстановления и преобразования ее экономики сближения с ЕС и построения общеевропейского экономического пространства.

Наметившаяся новая динамика в отношениях между Россией и Европейским Союзом (ЕС), заявленное намерение России о вступлении в ВТО означают, что вопрос международной интеграции России приобрел практическую значимость. Реализация формул «стратегическое партнерство», «общее экономическое европейское пространство», имеющих пока только политическое звучание, требует выработки концепции развития экономических отношений между Россией и ЕС. Эта концепция должна исходить из того, что цель международной интеграции России должна быть взаимоувязана со специфическими проблемами преобразования российской экономики, ее перехода от логики скачка после финансового кризиса в августе 1998 г. к логике быстрого подъема и длительного развития.

Это означает, что с экономической точки зрения международная открытость России не может рассматриваться как самоцель (мировой опыт говорит о ее ограничениях в определенных экономических условиях), а должна стать инструментом длительного развития российской экономики и социально-экономической стабилизации европейского континента.

Международное сотрудничество и экономическая открытость России. Региональная интеграция рассматривается в последнее время в аспекте глобализации, неоднозначно оцениваемой странами с разным уровнем экономического развития.

Французский ученый Э. Коэн обращает внимание на положительные моменты данного явления, утверждая, что глобальная экономика – это идеал, отличающийся от международной экономики, построенной в противовес идеальной. В глобализованной экономике национальные экономики создают и устанавливают между собой новые связи, хотя возникает вопрос, касающийся, прежде всего, правительственных органов: кто может управлять всеми сделками и процессами, оказывающими сильное влияние на нации, но не находящимися под их властью? [1, р. 78]. Э. Коэн утверждает, что новизна данного явления заключается в кумулятивном действии многих факторов: расширении географических рамок (включение такой страны, как Китай), распространении инноваций, углублении интеграции (роль ВТО и ее механизма разрешения конфликтов) и ускорении развития средств информации, телекоммуникации и финансов. Здесь налицо качественные и количественные изменения, а не только «взрыв» торговых обменов. Он признает, что сегодняшняя волна глобализации не принесла радикальных результатов в области торговли и прямых инвестиций. И это правильно, ведь интернационализация торгового обмена – явление, уходящее в глубь истории. К этому следует добавить, что рост меж

¹ В данной статье представлена личная позиция автора – директора Центра экономических исследований Высшей школы социальных наук в Париже, которая может не совпадать с мнением руководителей учреждения, где работает автор.

дународной торговли происходит, главным образом, между государствами-соседями. Таким образом, глобализация представляет собой сумму регионализаций: от ЕС до соглашения северо-американских государств о свободной торговле (НАФТА), включая и валютно-экономическую зону, фактически существующую на Дальнем Востоке. Интересно отметить, что к регионам мира, где в течение 20 лет накапливалось экономическое отставание – Ближний Восток, Африка, а ранее и бывший советский блок, – относятся те, что не смогли или не сумели установить эффективные механизмы регионального сотрудничества. Если Южной Америке удастся преодолеть повторяющиеся кризисы, то только благодаря внутрорегиональному сотрудничеству стран в рамках экономического союза (МЕРКОСУР).

Пределы глобализации. В последние 20 лет доминировали такие реальные изменения, как финансовая либерализация и взаимное перемещение капиталов, особенно в краткосрочной ретроспективе. В национальных системах дестабилизирующей является не масса, а скорость движения потоков. Следует признать, что по сравнению с ВВП финансовые потоки росли медленно, но скорость перемещений этих потоков на сегодняшний день несравненно выше, чем была в 60-е – 70-е годы. Это произошло не из-за технических новшеств (электронных форм расчетов), а из-за институциональных преобразований. Постепенная ликвидация финансовых институтов, созданных в соответствии с бреттонвудскими соглашениями 1945 г., привела почти к полной либерализации финансовых рынков, которая обеспечивает высокую ликвидность и в ответ на экономические действия позволяет принимать незамедлительные решения.

В своей статье Л. Миотти и Д. Плион [2] прослеживают связь между повторяемостью банковских кризисов и ролью, которую играют в настоящее время либерализованные и нерегулируемые финансовые рынки. Рынки усиливают конкуренцию между банками, вынуждая их брать на себя повышенные риски. Конкуренция в данном случае действует как патологический стимулятор. Банки становятся заложниками собственного положения на бирже. Для демонстрации операторам на рынках все более благоприятных результатов банкам необходимо постоянно увеличивать свои доходы. Чтобы этого достичь, они должны действовать с наибольшим риском (который обычно связан и с получением наибольших доходов), и либерализованные финансовые рынки наиболее пригодны для этого. Такие рынки предоставляют возможности размещения капитала с высокой ликвидностью, в чем банки особенно заинтересованы [3]. Чем выше конкуренция в банковском секторе, тем в большей степени в спонтанном поведении банков проявляется спекулятивный потенциал этих рынков, создающий условия для использования накоплений на деятельность, которая, скорее, соответствует логике казино, а не инвестиций в производство. Динамика реального сектора начинает отставать от чисто спекулятивной, что способствует появлению «спекулятивных пузырей». Последствия этого известны. Финансовый, а иногда и валютный кризис, уводит и тех, и других в «мир виртуальных финансов». Кроме неосторожных шагов и ошибок менеджмента, такая ситуация стала возможной именно в силу появления финансовых рынков.

Таким образом, экономическая глобализация характеризуется интернационализацией либерализованных финансов. Этот процесс не всегда был результатом рациональных экономических решений. Дж. Стиглиц², ретроспективно анализируя причины кризиса в Азии, пишет: «Семена катастрофы были уже посеяны. В начале 90-х годов страны Восточной Азии либерализовали свои финансовые рынки и

² Лауреат Нобелевской премии 2001 г. по экономике и бывший главный экономист Мирового банка, выполнявший свои обязанности в самые мрачные дни финансового кризиса 1997 и 1998 г., чей опыт представляет несомненный интерес.

капиталы, не потому что они нуждались в привлечении больших средств (уровень накоплений уже составлял 30% ВВП или более), а в связи с международным давлением, в том числе и со стороны Казначейства США» [4].

Ряд известных международных экономических провалов произошел в результате финансовой либерализации, которая привела к спекулятивному поведению и гонке за сиюминутной прибылью, не совместимой с нормальным развитием производства. Кризис 1997-1998 гг., обрушившийся вначале на Юго-Восточную Азию, затем на Россию, а позднее и на Южную Америку, не был бы таким сильным в отсутствие финансовой либерализации. С наступлением кризиса многие страны попытались по-рвать с догмой финансовой либерализации. Результаты оказались далеко не отрицательными. Трагическая судьба Индонезии после финансового кризиса не постигла Малайзию. Что касается России, то контроль за движением капиталов дал возможность значительно сократить их утечку. Трудно представить, что произошло бы в России, если бы в сентябре 1998 г. она последовала советам бывшего министра финансов Аргентины Д. Кавалло, приехавшего в Россию отстаивать дело «сurgency board». Следуя советам этого министра, Аргентина сегодня имеет внешнюю задолженность (153 млрд. долл.), превышающую долг России, и находится на грани неплатежеспособности. Трагический опыт Аргентины подчеркнул правильность политики России, которую она начала проводить с сентября 1998 г.

При анализе результатов валютных ограничений и регулирования движения капиталов в России и в Малайзии возникает вопрос, почему другие страны не последовали этим примерам. В статье, посвященной этому вопросу, американский экономист Б. Коэн пишет: «Ввиду явного краха стратегий ортодоксального типа, основанных на доверии к рынку, наступило время для контроля за капиталами как законного механизма валютного управления. Однако правительства все еще колеблются, несмотря на многочисленные убедительные доводы теоретического плана и факты недавней истории. То, что они все еще колеблются, свидетельствует, насколько сильно давление политического противодействия как со стороны наиболее влиятельных избирателей внутри страны, так и со стороны Казначейства США и их союзников извне» [5, p. 228].

Р. Вейд³ утверждает, что в защите либерализации финансовых потоков сходились интересы банков Уолл Стрита, транснациональных корпораций и Казначейства США [6, 7] и что политические ориентиры США, а также совпадение интересов оказываются иногда более важными, чем экономический анализ.

Позитивная оценка глобализации оспаривается исходя из результатов расширения либерализации торговли и валютного обмена. Д. Родрик [8], а также Д. Окампо и Л. Тейлор [9] показали, что связываемые с этими мерами доходы невелики и могут не приниматься в расчет. В то же время сильно возросла опасность возникновения кризиса и разрушительных действий финансовой спекуляции. Д. Родрик особо выделяет дестабилизирующее действие чрезмерной конвертируемости валют и излишней финансовой либерализации [10, 11], такую же позицию разделяют исследователи, работавшие над изучением азиатского кризиса 1997 г. [12-14].

В связи с этим возникает вопрос: что толкает Россию следовать в процессе интеграции логике глобализации, если ясно видно, что последняя обладает не только позитивными сторонами. Это можно объяснить стремлением к еще большей открытости экономики. Расчеты на основе показателя Баласса по данным Центробанка России и Экономической комиссии ООН по Европе показывают степень открытости России в последние годы (табл. 1).

³ Бывший глава Мирового банка и автор фундаментального труда по политической экономии развития стран Юго-Восточной Азии [6].

Определение степени открытости российской экономики

Год	ВВП России, пересчитанный в долл. США по курсу 2000 г., млрд.	Общий объем оборота внешней торговли в млрд. долл. США (экспорт + импорт)	Показатель Баласса, % В/А	Показатель Баласса, рассчитанный только на основе торговли товарами, исключая услуги, %
	А	В	С	Д
1994	248,84	141,90	57,0	47,56
1995	238,58	175,29	73,5	60,67
1996	230,23	189,90	82,5	68,71
1997	232,14	193,46	83,3	69,12
1998	221,46	161,92	73,1	60,01
1999	231,21	137,07	59,3	49,83
2000	247,86	177,41	71,6	60,69

Экономика России, без сомнения, является открытой, поэтому стремление России к участию в глобализации через расширение торгового сотрудничества в рамках ВТО внешне закономерно. В таком случае необходимо проанализировать, что означает открытость рынков для страны, основные статьи экспорта которой – жидкое топливо, цветные и черные металлы, лес и оружие. Структура внешней торговли России, в которой доминирует экспорт сырья и полуфабрикатов и импорт потребительских товаров и оборудования, не обладает такими параметрами, на которые вступление России в ВТО окажет действительно благоприятное воздействие. Решение правительства США ввести запретительные пошлины на импорт в обход ВТО показывает, что вступление России в эту организацию не защитит ее от подобного рода протекционизма.

Таким образом, курс на глобализацию не дает России однозначных ответов. Вполне очевидны и известны затраты, которые придется пожертвовать на глобализацию. Предполагаемые же преимущества ее далеки от того, чтобы быть безусловным фактом. Это, конечно, не означает, что Россия должна двигаться в сторону автаркии, реально она даже во времена СССР этого не придерживалась. Однако *на данном этапе более реалистичной и надежной позицией представляется региональная интеграция России в экономическое пространство Европы.*

Проект создания общего европейского экономического пространства. Отношения между ЕС и Россией, в частности идея участия в общеевропейском экономическом пространстве, призваны стать стержнем международных отношений. Теперешнее сближение России и ЕС следует рассматривать не как случайное явление, а как настоятельную необходимость для обоих партнеров.

В предстоящие годы экономические отношения между ЕС и Россией могут стать более тесными. ЕС уже сейчас – первый торговый партнер России. После интеграции в ЕС стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) они укрепятся еще больше, учитывая сегодняшнее состояние торговли с Венгрией, Польшей и Словакией. Инвестиции российских компаний в этих странах, в особенности в области энергетики и жидкого топлива, уже являются реальностью. Со временем Россия непременно станет предпочтительным пространством для европейских инвестиций, как и расширенный ЕС станет предпочтительным пространством для российских инвестиций. Это очевидно из сдвигов в зональной структуре экспорта и импорта, представленных в табл. 2.

Введение в странах Европы единой валюты уже оказало значительное влияние на экономику России, экспорт которой в основном определяется в долларах, а импорт частично в евро. Снижение с 2000 г. курса евро по отношению к доллару уси-

лило феномен ревальвации реального курса, ибо стратегия ЦБ России формируется на основе обменного курса по отношению к доллару.

Таблица 2

Распределение потоков товарного экспорта и импорта в России по зонам, %

Год	Экспорт				Импорт			
	ЕС	ЦВЕ	СНГ	Всего	ЕС	ЦВЕ	СНГ	Всего
1998	31,2	10,3	24,0	65,5	39,3	6,1	20,0	65,4
1999	32,8	10,3	19,7	62,8	38,1	4,8	21,5	64,4
2000	34,8	11,6	18,5	64,9	39,7	4,5	25,3	69,5

В связи с этим совершенно очевидно, что для осуществления интеграционного процесса долгосрочное соглашение ЕС с Россией становится настоящей необходимостью. Без него с экономической точки зрения интеграция может привести к развалу части внешней торговли вновь интегрированных стран, при этом компенсировать потери окажется невозможно. С политической точки зрения процесс интеграции стран ЦВЕ должен сопровождаться специальными формами подключения России, в противном случае она станет фактором политического разделения и соответственно нестабильности на европейском континенте, и политические и экономические последствия нового раздела Европы могут оказаться значительными.

Проект создания общеевропейского экономического пространства соответствует интересам как стран ЕС, так и России. Он является программой широкомасштабного партнерства и в политическом, и в стратегическом аспектах.

В этих условиях стремление России вступить в ВТО может показаться парадоксальным. Однако желание России стать членом одной из крупнейших международных организаций вполне закономерно. В результате вступления в ВТО, кроме возросшего международного признания, Россия может ожидать позитивного воздействия на привлечение прямых иностранных инвестиций. Кстати, именно этот довод часто приводится в оправдание стратегии скорого вступления в ВТО. Тем не менее эти потоки не достигают 3 млрд. долл. за год (с ноября 2000 г. по ноябрь 2001 г.), а утечка капиталов из России оценивается в 15-16 млрд. долл. *Доходы, которые Россия может получить от прямых иностранных инвестиций после вступления в ВТО, менее выгодны для России, чем более эффективный контроль за движением капиталов.*

Напомним, что основными препятствиями на пути развития инвестиций являются некоторые недостатки законодательной и судебной систем России, в частности, отсутствие законодательных положений, регулирующих право собственности. В этом плане доходы от инвестиций, которые правительство России могло получить, если бы оно отрегулировало вопросы признания законности некоторых прав собственности и стабилизировало правовую систему, намного превосходят те результаты, на которые можно рассчитывать после вступления России в ВТО.

Как уже было показано, теперешняя структура внешней торговли России неблагоприятна для немедленного вступления России в ВТО. Проблема состоит не только в том шоке, который неизбежен после вступления России в ВТО, а в опасности возникновения постоянного давления, лишаящего свободы действий при проведении экономической, промышленной и финансовой политики. Для решительной реконструкции производственной базы и инфраструктуры России необходимы намного большие инвестиции, чем 15% ВВП, зафиксированные в 2001 г., а также

возможности правительства направлять эти инвестиции в такие секторы, которые имеют наибольший потенциал для инициирования роста.

Там, где для предприятия открыт прямой, без посредничества банков доступ к рынку капиталов, частные инвестиции проходят, главным образом, через самофинансирование, т.е. предприятия способны получать высокие ставки прибыли. Но это почти несовместимо с резким ростом международной конкуренции, которая имеет, скорее, тенденцию к понижению уровня прибыли. Государственные же инвестиции зависят от возможности получения дополнительных налоговых средств. Вследствие значительного спада производства по сравнению с 1991 г. и низкого уровня доходов населения нет оснований рассчитывать на увеличение подоходного налога или налога на прибыль. Для остро необходимого расширения финансирования социальной инфраструктуры государство использует доходы, получаемые через налоги на экспорт сырья. Между тем судьба внешнеторговых пошлин зависит от решения американской комиссии, относить ли Россию к странам с рыночной экономикой. Без прохождения этой категоризации, назначенной на весну 2002 г., вступление России в ВТО невозможно. Однако если Россия откажется от этого налогового механизма, *если она лишит себя возможности защищать свой рынок в предстоящие годы, то долговременного роста экономики не будет.*

Что действительно составляет большую трудность для России, так это перестройка и развитие ее экономических институтов, а также переговоры о переходных положениях, предоставляющих возможность проведения самостоятельной экономической политики. Но это трудности одного плана – о чем бы ни шла речь, о ВТО или общеевропейском экономическом пространстве, необходимо предусмотреть ряд охранительных положений и *неравную для стран* степень открытости, причем Россия на переходный период должна получить большую защиту, чем ее партнеры. Благодаря договоренностям о переходных положениях, предусматриваемых на 10 лет, которые должны обеспечить специальную защиту России в некоторых областях для проведения активной экономической политики, вступление в ВТО не должно стать препятствием на пути развития и реконструкции экономики. Однако вполне возможно, что все эти условия *гораздо легче обсудить с ЕС, чем в рамках ВТО.*

Идеология глобализации и протекционизма. Помимо вопроса об протекционистских положениях для России возникает вопрос, какая именно идеология доминирует в ВТО. В самом деле, было бы весьма наивно сводить деятельность такой организации, как ВТО, только к сугубо техническим или правовым вопросам.

Здесь необходимо напомнить о проблемах, возникающих при вступлении в организацию с господствующей концепцией свободной торговли. Эта концепция заставляет ВТО идти дальше марракешских соглашений, в частности, при толковании споров в специальном существующем для этого органе. Этот вопрос важен потому, что России придется обсуждать переходные положения. Однако на переговорах возникнет проблема столкновения законных интересов России и идеологической концепции, господствующей в ВТО.

По концепции ВТО, свободная торговля должна привести к специализации каждой страны и каждого региона, выгодной для всех. Свободная торговля приводит к выигрышу в результате роста емкости рынков, что дает прирост производительности благодаря увеличению доходности и более сильной конкуренции как залога высокой эффективности. Здесь обнаруживается сразу несколько теоретических противоречий. Если все производства характеризуются ростом доходности, тогда увеличение емкости рынка способствует появлению единственного производителя, т. е. монополиста. Даже если это не так, нельзя быть уверенным в том, что рост конкуренции всегда и везде приводит к большей эффективности. Конкуренция

может дать эффект обратной избирательности, т.е. появления таких ситуаций, когда эффективность краткосрочная вступает в противоречие с долгосрочной [15, р. 226-237]. Кроме того, следует отметить, что для увеличения емкости рынка свободная торговля не нужна. Как только тарифная защита становится разумной, обмен расширяется. При этом не следует смешивать протекционизм и автаркию, как это часто преднамеренно делается апологетами свободной торговли.

Что касается идеи свободной торговли, унаследованной от Рикардо, то защитники современной системы высказываются в поддержку открытой торговли как возможности для самых бедных стран. В свете этого те, кто будет критиковать открытую торговлю и свободный обмен, прослынут богатыми консерваторами. Однако если свободная торговля всегда была орудием бедных, то почему она навязывалась господствующей экономической и торговой державой? В XIX в. Великобритания, в XX в. США без колебаний использовали принуждение и насилие, чтобы заставить некоторых своих партнеров снять таможенные барьеры. Посмотрим, что говорит по этому поводу такой специалист, как Дж. Стиглиц: «...Либерализация торговли способствовала деградации экономики во многих развивающихся странах, так как она обрекала их на неуверенность на международных рынках. Поэтому неправильно утверждать, что развивающиеся страны получают пользу от экономической интеграции ... Повторю, либерализация торговли организована для богатых стран. Политика либерализации и ограничительная экономическая политика, которые навязал МВФ, создали некий коктейль мер, имеющих трагические последствия для развивающихся стран» [16, р. 111].

Развитие стран, помимо Великобритании, Франции, Бельгии, совершивших промышленную революцию, происходило благодаря протекционизму. От Германии до Японии, от России (с ее государственными деятелями и министрами финансов И.А. Вышнеградским и С.Ю. Витте, пропагандистом идей Ф. Листа в России) до США конца

XIX в., через Корею и Тайвань – никогда ни одна страна не достигала развития благодаря свободной торговле. Неизвестны случаи, чтобы стране удалось достичь развитого состояния экономики, если она уступала под натиском конкурента, имеющего политическое и военное превосходство. Необходимость сочетания протекционизма и государственной инициативы была обоснована А. Гершенкроном, одним из самых крупных специалистов по истории экономики, в его фундаментальной работе [17].

Дело в том, что являющийся основой стандартных теорий торговли тезис Рикардо выведен из нереалистичных гипотез. Если исходить из более реалистичных гипотез, то легко показать, что свободная торговля может привести к неблагоприятным ситуациям. Несколько лет назад директор Французской обсерватории экономической конъюнктуры Ж.-П. Фитусси отмечал: вопрос не в том, быть ли приверженцем свободной торговли или протекционизма. Вопрос заключается в оптимальной степени защиты с учетом уже достигнутой стадии развития, а также той, которую можно предвидеть в предсказуемом будущем [18, р. 40].

Неопределенное будущее требует от правительства использования протекционизма, с тем чтобы обеспечить себе возможность принимать решения завтра. Некоторый уровень протекционизма следует сохранять, даже если на данный момент свободная торговля предпочтительнее, потому что никогда невозможно полностью предугадать, каким будет следующий момент.

Стратегия и тактика региональной интеграции для России. Взаимосвязь между региональной интеграцией на европейском уровне и вступлением России в ВТО – это сегодня вопрос, скорее, тактики, чем принципа. России требуется только одна единственная стратегия – быстрое восстановление своей экономики через об

новление и реконструкцию реального сектора и отказ от экономической логики, которая доминировала с конца 1993 г. В то же время в вопросе о тактике речь может идти о выборе между скорым вступлением в ВТО (12-18 мес.) с охранительными оговорками, предвещающим развитие общего экономического пространства с ЕС, и приоритетным развитием этого экономического пространства, используя его как инструмент для продвижения к вступлению России в ВТО в конце текущего десятилетия.

Выбор используемой тактики будет зависеть также от оценки условий самой бюрократической процедуры процесса вступления в ВТО. Приоритетным для России этот вопрос может стать только в том случае, если вступление состоится весной 2003 г. Совершенно ясно, что такое вступление будет политическим актом, а партнеры России должны будут смириться с существованием протекционистских мер в течение длительного периода. Позднее этого срока в связи с двумя избирательными кампаниями и выборами сначала в законодательные органы (декабрь 2003 г.), а затем и президента (апрель 2004 г.) проводить серьезные переговоры станет невозможно. Если вступление России в ВТО отложится до 2005 или 2006 г., то логичнее сразу же перенести *внимание на процесс строительства общеевропейского экономического пространства особенно с учетом того, что в 2004 г. в ЕС вступают страны ЦВЕ.*

Сегодняшней России не стоит преувеличивать значение вступления в ВТО. Скорое (за 18 мес.) вступление в ВТО можно оправдать лишь политическими соображениями участия России в основных международных «клубах». Однако оно нуждается в долгосрочных (на 10 лет) оговорках, допускающих свободу действий, необходимую российскому правительству для проведения реконструкции экономики. Если такое быстрое вступление в ВТО невозможно, то, учитывая настоятельную необходимость и для России, и для ЕС создания общего экономического пространства параллельно процессу интеграции стран ЦВЕ, с обеих сторон следует уделять внимание созданию этого общего экономического пространства. Тогда вступление в ВТО, которое в таком случае явилось бы конечным результатом строительства этого пространства, может состояться лишь к исходу десятилетия.

В любом случае самый главный вопрос заключается не в последовательности событий, которые определяются скоростью бюрократических процедур, а в охранительных оговорках, которые России должны быть предоставлены со стороны либо ВТО, либо ЕС. Для восстановления российской экономики требуются существенные уточнения действия протекционистских принципов свободной торговли, и приостановка тех из них, которые неприемлемы для России. Из этого следует, что *выбор между ВТО и общеевропейским строительством зависит от степени свободы для проведения национальной экономической политики, которую может гарантировать каждый из этих двух союзов.* Широкие экономические связи, уже существующие с Европой и дальнейшее их развитие после интеграции стран ЦВЕ, а также логика последних 20-ти лет, когда региональные системы стали практически основным способом хозяйственной жизни, свидетельствуют в пользу выбора стратегии строительства общеевропейского экономического пространства. Этот выбор является для России не альтернативой сохранения добрых отношений с другими партнерами, а возможностью найти соответствующее пространство для своего развития.

Стратегическое партнерство России и ЕС. Определение стратегии для России предполагает обоснование такой стратегии и для ЕС. Подтверждение приоритетности отношений с Россией означает, что правительства и Европейская комиссия определяют, какой смысл они вкладывают в стратегическое партнерство. При этом речь идет не о дипломатических отношениях или о безопасности, хотя эти измерения могут иметь серьезные экономические последствия. В данном случае

достаточно вспомнить о такой задаче, как восстановление Балкан, или о влиянии, которое ЕС и Россия совместными усилиями могут оказать на Ближний Восток.

Широта реформы и структурные изменения, которые потребуются для постепенной интеграции России в общее экономическое пространство в Европе, получат долговременную поддержку населения только в том случае, если этот процесс окажет быстрое позитивное воздействие на уровень жизни. Необходимо превратить интеграцию в инструмент быстрого развития России с тем, чтобы придать отношениям между ЕС и Россией характер игры с позитивным результатом. Если процесс поможет российскому правительству решить некоторые наиболее срочные задачи, он сохранит свой приоритет.

Таким образом, очевидно, что страны ЕС должны начать осуществление конкретных проектов сотрудничества с Россией в качестве гарантий надежности процесса.

Сегодня намечаются очень интересные перспективы в двух областях. Реформа жилищно-коммунального хозяйства – главная цель российского правительства. Подтверждением ее остроты служат кризисы энергоснабжения на Дальнем Востоке России и дискуссии по поводу весьма спорной реформы РАО «ЕЭС России». В основном проблема заключается в нерентабельности предприятий, производящих тепло и электричество, при этом потери энергии составляют до 50% в связи с плохим состоянием инфраструктуры. Местные и муниципальные органы не имеют средств для инвестирования в этот сектор. Инвестиции могут быть обеспечены только долгосрочными (на 20 лет) займами и под небольшие проценты, но банковская система России сегодня предоставить их не может. Ситуацию с модернизацией инфраструктуры может изменить участие крупных специализированных европейских предприятий, способных развивать сотрудничество с российскими коллегами. Ликвидируя потери энергии в связи с техническим состоянием инфраструктуры, можно полностью без дополнительных финансовых расходов для пользователей изменить условия рентабельности данного сектора. Сокращая потребление добываемого топлива, можно уменьшить выбросы газа в атмосферу, создающие парниковый эффект, и дать возможность России продать часть своих прав в соответствии с киотским протоколом. Это будет эффективным стимулом для более активного участия российского правительства в мероприятиях, вытекающих из данного протокола, и превратит Россию в естественного союзника европейских стран в их трудных переговорах с США по данному вопросу. Это сотрудничество могло бы вписаться в обсуждаемый в настоящее время договор по энергетике, придав ему характер, выходящий за рамки простого торгового соглашения. Он мог бы стать для будущих отношений между Россией и ЕС тем же, чем было Европейское объединение угля и стали в начале послевоенного европейского строительства.

Существуют немалые возможности технической помощи со стороны ЕС в создании эффективной платежной системы для торговли внутри СНГ. Нынешние торговые отношения значительно ниже их естественного уровня со всеми вытекающими отсюда последствиями, влияющими на экономический рост этих стран. Основная причина сдерживания торговли между ними заключается в нестабильности расчетных средств и наличии обоюдного бартера, который считается наименее эффективной расчетной формой в торговле. Пример Европейского платежного союза 1949 г. показывает, что решение вопроса на основе сотрудничества может дать в этой области быстрые позитивные результаты как для развития торговли, так и для экономического роста, а также, что успех подобной операции требует присутствия внешнего участника, каким в то время были США. Сейчас для России и стран СНГ эту роль может играть ЕС.

Сегодня в России есть технический инструмент, компетентность которого дает возможность использовать его при осуществлении такого проекта, это – Московская межбанковская валютная биржа. Таким образом, вполне разумно предположить, что, если на то будет политическая воля, система торговой интеграции может появиться через 12 мес. после принятого решения. Такая система может быть школой сотрудничества для всех стран-участниц. Она будет способствовать расширению общеевропейского экономического пространства. Только через осуществление конкретных проектов между ЕС и Россией могут быть успешными переговоры по стратегическому партнерству и созданию общеевропейской экономической зоны.

Литература

1. Cohen E. *L'ordre économique mondial // Essai sur les autorités de régulation*. Fayard, Paris, 2001.
2. Miotti L. et Plihon D. *Libéralisation financière, spéculation et crises bancaires // Economie Internationale*, № 85, 1er trimestre 2001.
3. Guttman K. *How Credit-Money shapes the economy*, Sharpe M.E. Armonk, NY, 1994.
4. Stiglitz J. *The Insider: What I Learned at the World Economic Crisis // The New Republic*, 17 avril 2000.
5. Cohen B.J. *CEPA Contrôle des capitaux: pourquoi les gouvernements hésitent-ils // Revue économique*, vol. 52, № 2, Mars, 2001.
6. Wade R. *Governing the Market – Economic Theory and the Role of Government in East-Asian Industrialization*. Princeton University Press. New Jersey, 1990.
7. Wade R. *The Coming Fight Over Capital Controls // Foreign Policy*, vol. 113, hiver 1998/1999.
8. Rodrik D. *Globalization, Social Conflict and Economic Growth. Prebisch Lecture 1997, UNCTAD/CNUCED*, Genève, 1997, 24 October.
9. Ocampo J.A. and Taylor L. *Trade Liberalization in Developing Economies: Modest Benefits but Problems with Productivity Growth, Macro Prices and Income Distribution. Center for Economic Policy Analysis. Working Paper. № 8, CEPA, New School for Social Research. NY, 1998.*
10. Rodrik D. *Who needs Capital-Account Convertibility? // Essays in International Finance. № 207. Princeton University, May 1998.*
11. Eatwell J. & Taylor L. *Global Finance at Risk // The New Press. NY, 2000.*
12. Rajan R.S. *Sanfs in Wheels of International Finance: Revising the Debate in Light of the East-Asian Mayen. Institute of Policy Studies. Working Paper. Singapore, April 1999.*
13. Krugman P. *Saving Asia: It's time to get Radical // Fortune*, 7 September 1998.
14. *The East Asian Crisis – causes, policy responses, lessons and issues // Central Bank of Malaysia, Working Paper № 4, June 1998.*
15. Sapir J. *Les trous noirs de la science économique*, Albin Michel, Paris, 2000.
16. Stiglitz J. *La libéralisation a été programmé par les pays occidentaux pour les pays occidentaux. Propos recueillis par L.Caramel et M.Laroche, Le Monde, sup. Economie, 6.11.2001, p. III.*
17. Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective. Harvard University Press. Cambridge, Mass., 1962.*
18. Fitoussi J-P. *Le Débat Interdit. Arlea, Paris, 1995.*